

Анатомия Ольги Арефьевой

Новости Известия 9 - 2001 - 17 июля - с. 7

Михаил МАРГОЛИС,
«Новые Известия»

«Столько грязи из меня вышло. Столько спокойной силы чувствую в себе после этого очищения». Чье это признание? Утомленного собственной порочностью индивидуума, сходящего на исповедь в храм Божий? Человека, часок-другой пообщавшегося тет-а-тет с далай-ламой? Вовсе нет. Это характерное высказывание поклонника Ольги Арефьевой, прослушавшего очередной ее концерт. В данном случае в Политехе. Высказывание настолько характерное и, чего уж стесняться, лестное для певицы, что оно заслужило честь быть процитированным во вкладыше к совсем недавно увидевшему свет двойному концертному акустическому альбому Ольги — «Анатомия». Этот проект она считает чуть ли не самым значительным из всего, ею созданного.

Однажды Ольга отправилась из уральской Верхней Салды, транзитом через Свердловск, в Москву. Не имея конкретного плана действий и точного ориентира, Арефьева инстинктивно чувствовала, что ей предначертано сочинять и петь. Она угадала.

Нельзя сказать, что поприще поющего пиита принесло ей всемирную славу и уйму денег. Отнюдь. Гастролирует Ольга со своим «Ковчегом» по провинциальным весам (где принято зарабатывать) нерегулярно. Ее московские и питерские залы (где выковывается авторитет) — скромны и компактны. Она, судя по всему, принадлежит к касте «русского рока», но обитает в стороне от того, что обычно называют мейнстримом. Поэтому и сейчас, проведя десятилетие на сцене, Арефьева не может сказать, что ее имя, тем паче репертуар и облик, знакомы каждому. Зато среди Ольгиных слушателей, как уже указывалось выше, немало поклоняющихся ей истово. В этом поклонении есть некий перебор. И стороннему наблюдателю Арефьева может показаться шаманом, абсолютно управляющим своей аудиторией. Расцени Ольга свое творчество как миссию, могло бы случиться жуткое. Но, слава Богу, уральская Джоппин (ассоциация натянута) порой взирает на мир трезвее и реальнее собственных фанов.

Чаше всего Арефьева выступает в ЦДХ на Крымском Валу. Там мы и пообщались в один из жарких летних дней.

— Ты ощущаешь, что весьма облакана своей публикой и ближайшим окружением, и не мешает ли это? Иногда кажется, что тебе навязали роль маленького божка...

— Интересное наблюдение. Сама я этого не замечала, но, возможно, со стороны виднее. Вообще-то не так уж часто меня хвалят. Нередко ругают, может быть, мягко, любя. Относятся ко мне, на самом деле, строго, наверное, желая, чтобы я была идеальна. Поэтому придираются к любым мелочам, плану мне поднимают очень высоко. И то, что тебе кажется комплиментами, зачастую является критикой.

И еще нужно разделить две моих сущности. Существует некий образ, связанный с творчеством и миром, который я создаю в песнях. Он не совпадает полностью с реальной женщиной, которую зовут Ольга Арефьева. Надеюсь, мои слушатели люди умные и понимают это. Все, что меня хоть немножечко в жизни знает, никогда не скажут, что я чувствую себя гуру или у меня завышенное самонимение.

— Сейчас ты большую часть времени обитаешь в Москве?

— Я здесь уже десять лет, но прописку получила лишь в минувшем феврале.

— Переезд из провинции в столицу объясняется только необходимостью проживать на большую сцену или чем-то еще?

— Просто у каждого человека своя судьба. Моя определила меня в Москву. Я долго пыталась понять, как сюда попала. Все произошло незаметно. Смотрю, а я уже тут.

В Екатеринбурге у меня не было квартиры, я жила в общежитии, преподавала аэробiku. Закончила музыкальное училище и год никому не была нужна. Терять там было нечего. Чего-то пыталась делать, бутылчалась, но... А в Москве сразу нашла ребят, с которыми создала свою первую группу.

Каких-то особых амбиций при переезде у меня не существовало. Если бы они имелись, я сейчас метилась бы, наверное, куда-то дальше. Уехала бы в Нью-Йорк или улетила на Солнце. Там жарко, но звезды ближе.

— Ты совершала какие-то дейст-

вия, которые позже считала ошибочными?

— Вместо того чтобы сразу поступить в музыкальное училище, я подалась в университет. И вскоре, после неудачной прививки от гриппа, у меня образовалась киста на горле. Потребовалась операция. С тех пор у меня шрам, словно в знак того, что в жизни всегда нужно ходить своими путями. Я недавно прочла книгу, где упоминаются такие символы. Наверное, будь я танцовщицей, шрам у меня появился бы на ноге.

— Известно, что у тебя не сложились роман со свердловским рок-клубом. Отчего?

— Здесь целый ряд причин. В то время свою дальнейшую судьбу предпочла, и то не уверенно, только я. Другие, естественно, о ней вовсе не догадывались. Песен я еще не сочиняла. Человеком была очень зажатым, закомплексованным. С крутыми местными рокерами не знакома. А потом произошла странная история, особо повлиявшая на отношение ко мне в рок-клубе. Всех наших певцов из училища поотправляли на какие-то курсы, и кому-то нужно было срочно участвовать в отборочном туре на «Юрмалу-87». Делегировали меня. Отборочная комиссия, как ни удивительно, из массы матерых певиц выбрала неопытную Арефьеву. Я поехала в Прибалтику и стала там лауреатом. В рок-клубе, разумеется, не могли воспринять сей факт позитивно. Меня не гнали, но и не звали. Считаю, что есть они, а есть эстрада.

Впрочем, после Юрмалы важнее было то, что я поверила в себя. В рок-клубе, кстати, достичь этого не удавалось. Меня пригласили однажды в группу заменить ушедшую вокалистку. И я пыталась там и петь и тексты сочинять. Теперь понимаю, что для начала творческой деятельности та группа была крайне неудачной. Там была полная раслабленность, нищенское оборудование, странные отношения. Это первый и последний раз, когда я на правах исполнительницы участвовала в чьем-то проекте.

— Некоторые стали двусмысленно к тебе относиться после твоего неожиданного попадания в «Рождественские встречи» Аллы Пугачевой.

— Я все это уже проходила в истории с Юрмалой. Пугачева в детстве являлась моей любимой певицей, такое не забывается. Не стесняюсь признаться, что не Джаннис Джоппин меня создала, а именно Пугачева. Для меня нынешняя встреча с ней оказалась исторической. Мое детское ощущение воплотилось сейчас. Возможно, теперь мне этого уже и не требовалось. Но это произошло, и я расцениваю такой факт очень положительно.

Еще вот что скажу: давно замечено, между певицами отношения немного странные, настоящей дружбы не бывает, но и вражды нет. Все чувствуют себя несколько ревниво-напряженно, но всегда тем не менее друг другу помогают. Я себя тоже примерно так веду. Ревниво поглядываю — нет ли кого вокруг лучше меня? Я ли всех милее?

— Ну и как, нет?

— В принципе, нет. Каждый должен в своем мире быть королем, но я всегда, если требуется, помогу другу, пусть и стоящему выше в рейтинге, как Пугачева.

— Ты считаешь, что, согласившись спеть в «Рождественских встречах», помогла Алле Борисовой?

— Просто сейчас хороший тон ее ругать и действительно есть за что. И плохой тон говорить, что в ней масса положительного. У нас произошел с ней единственный короткий разговор. Я сказала: «Вы моя любимая певица», она ответила: «Вы

моя тоже». Понятно, что это говорилось не на сто процентов серьезно. Но если кому-то показалось, что одна подхалимничает, а другая у нее молодую кровь сосет, то оправдываться не стану. Выступление в «Рождественских встречах» мой мир не изменило. Сам понимаешь, в поспу я все равно не пойду, да меня туда и не пригласят. Разная у нас жизнь, иные приоритеты в моей системе ценностей. Они не в славе и деньгах.

— А в чем?

— В творческом развитии, самопознании, ощущении правильности жизни. Я иду, как идется, и, полагаю, иду верно. В общем Вавилоне не участвую. Даже «ящик» не смотрю.

— Он у тебя хотя бы имеется? Лена Федорова из «АукцЫона» тоже говорит, что ни телевизор, ни видео не смотрит, но подчеркивает, что этой техники у него и нет.

— Телевизор у меня есть, но, чтобы его включить, нужно стопку одеял с него убрать, поставить на удобное место и т.д. Я, впрочем, безо всякого предубеждения отношусь к ТВ. Просто дома времени на него не хватает. В гостях же с большим интересом гляжу все подряд, даже клипы «На-На» или концерты Леонтьева. Однажды посмотрела на кассете программу Александра Пескова и, между прочим, кое-что для себя почерпнула. Хотя друзья удивлялись: как ты это смотришь?

— В Вавилоне, значит, не участвуешь, домашний телевизор «под завалом», однако на телеэкране твои появления не столь уж редки, достаточно одну «Антропологию» вспомнить. Да и с «акулами» нашего музыкального рынка «Ковчег» несколько лет назад пытался контактировать. Вы ведь тогда попали в поле зрения ребят из «Рай мюзик»?

— Ну, во-первых, я не сумасшедшая, а артистка, и должна находить контакт с публикой. Почему бы мне не пойти и не сняться в телепередаче? Если я засяду в келье, кто меня услышит? Ломаться и выпендриваться в данном случае незачем. А уж «Антропология» — вообще праздник. Это был свет в окошке. Я бы рада нее одной телевизор сохранила.

Что касается «райсов», наш альянс распался по моей инициативе. Они прожектеры, хватаются за то, что реально поднять не в силах. Нам они наобещали золотые горы, практически не сделали ничего. Зато отняли уйму времени на ожидание и хождение с вопросами, типа: «Ну чего делать-то будем?». Видимо, мы их не слишком заинтересовали. Хотя где-то, наверное, заинтересовали. Я даже слышала высказывания, что Земфира заняла место, на котором раньше хотели видеть меня. Впрочем, это ерунда. Каждый занимается в жизни свое дело.

— Твое оказалось среди довольно лобопытной когорты российских певиц: Арефьева, Умка, Рада, Желанная, Оксана Чувш, Юлия Теуникова, пожалуй, еще Настя, принадлежала к ней и погибшая Янка. Вы далеки от эстрады, вас нет на стадионных рок-фестивалях, на бардовских слетах, в «горячих» радиоротациях, но у критиков и просвещенной публики ваш авторитет достаточно высок. Вы удачно работаете и в акустике, и в электричестве, примерно в одних и тех же залах, иногда выступаете вместе или «обмениваетесь» музыкантами. Можно ли говорить о сообществе звезд женского камерного рока?

— Хочу предостеречь тебя от образования кланов. Нет между нами этойкой корреляции, чтобы мы все договаривались, что и как делать. Просто волею судеб мы оказались в более-менее схожих обстоятельствах. Грубо говоря, поем мы лучше,

чем барды, но в популярные хит-парады еще не попадаем. Попали мы в клевою прослойку хорошей, некоммерческой музыки.

Не думаю, что мне уместно петь «Анатомиию одиночества» многотысячным залам. Есть немало артистов в Америке, не у нас, способных вполголоса исполнять интимные вещи на крупных площадках. Как это делается, я пока не совсем понимаю. Вспоминаю, как давным-давно, в Свердловске смотрела во Дворце спорта концерт Майка Науменко и попавшего с ним в одну обложку «Пикника». Майк — тот, кто своими песнями сделал «дырку» в моей голове, и мне было так жаль его, когда он стоял вдалеке, напротив многотысячных трибун, казался размером с муху и не «пробивал» этот зал. «Пикник» с типичным «рокешиником», в костюмах, изображавших скелеты, выглядел даже лучше. Хотя бы было, на что смотреть. Майку же, чтобы «взять» аудиторию, пришлось переключиться исключительно на хиты.

А я хочу играть в концерте пятнадцать интимных песен и заканчивать одним хитом. Если у меня обнаружится такое энергетическое поле, что я сумею сыграть подобную программу на стадионе, — хорошо. Пока я себе этого и представить не могу. У меня очень высокие требования к аудитории, ибо я считаю, что в концерте она участвует на равных с исполнителем. К тому же, если у тебя в залах больше тысячи мест, это превращается в бизнес со своими законами. За него берутся профессионалы, ворочающие именами, как кусками мяса. Мне такое не подходит.

— В определенном моменте у тебя появился крен в сторону ретей, ска. Ты записала несколько приглашенных публике проектов в этом стиле. «Батакакумбу» многие и вообще до сих пор считают твоей лучшей работой. Откуда тяга к ямайским ритмам?

— А нет ее. Просто ряд вещей написан в определенной ритмической структуре. На Марли и его последователей я не ориентировалась и идеи взяла не у них. Кстати, ретей до сих пор не слушаю. Но мои песни мне нравятся.

— Последний вопрос. Трудно сохранять группу, которая гастролирует мало, да еще и периодически отодвигается на периферию твоего внимания. Ведь ты порой, как в случае с той же «Анатомией», обходишься вовсе без «ковчеговцев». Как в таком бесребренническом и малоактивном режиме удерживать рядом с собой, например, экс-барabanщика «Чёсового» некогда «Круза» Всеволода Королюка?

— На счет бесребренничества ты ошибаешься. Я поставила дело на уровень, не требующий стояния с протянутой рукой. Мои музыканты зарабатывают нормально, им хватает на жизнь. К тому же они вправе «развлекаться» еще где угодно. В этом плане я не ревнива. Ребята играют с Умкой, играют в красивом проекте с ингушами народную музыку. Но там они денег не получают и от меня не уходят. Хотя порой я пинаю их за лень, неорганизованность и, конечно, их не может не заедать, что какие-то замыслы я реализую без них. Причем замыслы пиковые, которые я считаю своей вершиной.

Разумеется, «Ковчег» хочет работать больше, особенно Сева, объезжавший за месяц десятки городов и выступавший перед толпами на стадионах. Но сейчас никто так не живет. Даже некоторые концерты Пугачевой в провинции проваливаются, и Лещенко, если требуется, садится в самолет, летит на один концерт и возвращается обратно. Лафа с «косиловом» кончилась.